

И. И. Иванов
УИЛЬЯМ ШЕКСПИР
Его жизнь и литературная
деятельность

ВСТУПЛЕНИЕ

За последние полтора столетия лет ни один писатель не привлекал к себе такого всестороннего и глубокого внимания, как старый английский поэт. Предсказание Гете: *Shakespeare und kein Ende* — *Шекспир без конца!* — с течением времени приобретает все большее значение и оправдывается людьми самых разнообразных талантов и природных наклонностей. Критики всевозможных направлений, представители юриспруденции, медицины, естественных наук, философы и богословы усердно стремятся выказать свою проницательность и ученость на произведениях драматурга и находят в них одинаково богатый и поучительный материал для самых сложных вопросов нравственности и психологии и для специально-научных задач. Общества и периодические издания, посвященные Шекспиру, с каждым годом умножают громадную литературу, в которой авторы, до последней степени раздробляя

предметы исследования, не отступая от тщательнейших изысканий по поводу имен второстепенных лиц в драмах, доходят до точного счета стихов и отдельных слов. Безграничные восторги великих поэтов всех национальностей, — Гете, Гюго, Пушкина, — идут рядом с кропотливейшим трудом архивных ученых и созидают поистине единственный памятник гению мысли и слова во всей истории мировой культуры...

Да, это — слава, пред которой, вероятно, отступила бы ирония самого беспощадного стоика и пессимиста. И между тем в этой именно славе и таится жесточайшая насмешка судьбы.

Спросите, *кто* этот гений, наполняющий мир своим именем? — и в ответ получите странные и невнятные заявления, будто вопрос идет не о человеке, умершем всего 280 лет назад, а о каком-нибудь мифическом старце, вроде Гомера или Оссиана. Биограф прошлого века сообщал читателям следующие *достоверные* сведения о Шекспире: он родился в городе Стратфорде на реке Эйвон, женился, имел детей, был в Лондоне, сделался актером, писал стихотворения и пьесы, возвратился в Стратфорд, составил завещание, умер и был погребен. Позднейший биограф со своей стороны подводил такой итог: Шекспир жил, умер и был «немного ниже ангелов», — это все, что

можно с полным основанием сказать о нем. И, наконец, трудолюбивейший немецкий ученый, редактор шекспировского журнала, автор обширнейшей биографии Шекспира заявил: если какой-либо факт из его жизни мы знаем наверное, — это его практическую деловитость и способность приобретать деньги... Разве не ирония подобное достоверное сведение в биографии вдохновеннейшего из поэтов?

Но и это не все. Пусть для нас будет закрыта непроницаемым туманом личная жизнь художника, — нам останутся, по крайней мере, его произведения. Ведь можем же мы составить вполне определенное представление о миросозерцании авторов или автора *Илиады* и *Одиссеи**. Творчество теснее, чем всякая другая деятельность, связано с нравственным миром человека, и нам удастся восстановить ум и душу творца по внутреннему смыслу его созданий.

К Шекспиру неприложим и этот прием — даже в такой степени, как к Гомеру.

Прежде всего, мы не знаем точного количества его произведений. Из общеизвестных пьес, может быть, следует выбросить *Тита Андроника*, *Генриха VI*, по крайней мере первую часть, потом *Генриха VIII*, за исключением немногих сцен, и, может быть наоборот, не лишне будет прибавить *Эдуарда III*, *Йоркширскую*

трагедию и *Двух благородных родственников*, хотя бы на правах *Тита Андроника* или *Генриха VI*. Еще затруднительнее вопрос с поэмами и сонетами. В 1599 году в Лондоне вышел сборник из восемнадцати стихотворений — *Страстный пилигрим*. Какие здесь принадлежат Шекспиру и какие нет? Издатель их все объявил шекспировскими, но критики не согласны. То же самое и насчет поэмы *Жалобы влюбленной*. Она была напечатана вместе с сонетами Шекспира в одной книге; сонеты потомство признало, поэму отвергло, — но не единогласно.

Но пусть затруднения ограничились бы сравнительно второстепенными произведениями Шекспира, — особенно нечего было бы волноваться из-за какой-нибудь хроники или любовного стихотворения. К несчастью, *все* пьесы, в том числе великие трагедии, дошли до нас отнюдь не в образцовом порядке. Лично Шекспир не счел нужным издать ни одного своего сочинения, кроме двух поэм: *Венера и Адонис* и *Обещанная Лукреция*.

Издавались они сначала пиратами литературы, «ловившими» текст во время представлений, потом стали выходить и законные издания, но без участия автора. Рукописи пьес принадлежали актерским труппам и, вероятно,

этими собственниками пускались в печать, но как и в каком виде?

Эти знаменитые Quarto, первые издания шекспировских пьес, ценятся теперь более чем на вес золота; в действительности по точности и правильности текста они уступают древнейшим рукописям античных классиков. Деление на действия и сцены отсутствует, имена действующих лиц безжалостно перепутываются или заменяются именами исполнителей, стихи печатаются прозой и наоборот, слова искажаются до полной неузнаваемости... Но и в таком виде напечатано всего пятнадцать пьес, остальные явились после смерти автора, сначала *Отелло*, потом полное издание — Folio, в форме очень внушительной, но столь же небрежной и безграмотной. Фолианты впервые предлагали публике более половины новых произведений, в том числе римские трагедии и *Макбета*, но, воспроизводя старые, давали текст, не всегда согласный с прежним в весьма существенных отношениях, и вносили множество собственных ошибок и нелепостей...

Какая работа предстояла филологам, эстетикам и историкам: отыскать настоящего Шекспира в этой бездне невежества, произвола, невнимания! И заметьте, — дело шло о глубочайшем психологическом таланте и действительно вдохновенном творчестве. Здесь

нередко великое значение имеет одна фраза и даже слово. Как же мог поступить критик, когда, например, Гамлет говорит разные монологи в разных изданиях, когда *новое* пропускает в *Лире* суд над дочерьми, а *старое* — удивительную речь короля о злодеях-богатых и нищих! Это не частности, а *важнейшие* моменты трагедий, и нам предоставляется признавать или отвергать их по усмотрению!

Но если бы пред нами был безусловно подлинный, самым автором проверенный текст, наша задача: отыскать *человека* в *художнике* — все-таки не разрешилась бы к полному нашему удовольствию.

Предположите, что биографические сведения о Шиллере, Байроне, Гете, Гюго столь же скудны, как и о Шекспире, и вам потребовались *личные* характеристики этих поэтов: разве, пользуясь *Разбойниками*, *Фаустом*, *Чайльд Гарольдом*, *Девяносто третьим годом*, вы могли бы дать несколько одинаково правдоподобных ответов?.. О Шекспире дают их беспрестанно и едва ли не на каждый вопрос, и всякий новый исследователь на пути к *Шекспиру-человеку* чувствует себя будто в открытом море с превосходными картами, но без компаса.

Гюго сравнил гений нашего поэта с океаном, Колридж назвал его человеком с тысячью душ (***)

греч.), а еще третий критик весьма остроумно доказывал, что произведения Шекспира — вовсе не плоды человеческого искусства, а естественные явления, вроде солнца, моря, звезд, цветов... И все эти критики выразили одну и ту же исключительно шекспировскую черту — *неуловимость* личности автора в его произведениях. Это следствие двух причин: чрезвычайного изобилия мотивов, подвергшихся творческой обработке, и невозмутимо-объективного настроения поэтического духа. Большой славой пользуется гетевское так называемое «олимпийское спокойствие»... Но что значит олимпийство поэта, писавшего неизменно под влиянием и на основании случаев своей жизни и личных сердечных волнений! Что значит оно пред неотразимым и ясным проникновением творца *Лура* в сокровеннейшие тайны нравственного миропорядка!.. Там, за всеми украшениями и наслоениями, не более как автобиография, здесь — летопись вообще человеческой судьбы и природы.

В результате мы всякий раз можем извлекать все новые уроки из этих летописей, — духовный облик летописца по-прежнему остается неопределенным. Но именно неопределенность и разжигает людской интерес, влечет как тайна, самонадеянным мечтателям сулит славу неслыханных открытий. И Шекспир дожил до

самой невероятной участи, какой только может подвергнуться смертный. Нашлись отрицатели *гениального поэта* с именем *ничтожного актера*, принялись разыскивать автора *Гамлета* в лице кого угодно, только не Шекспира, — в лице Бэкона, королевы Елизаветы, целой компании безвестных поэтов и придворных...

Такой истинно болезненной точки достигло любопытство поклонников великих созданий! Они, в азарте стремясь одним ударом покончить с мучительным вопросом, не отступили перед самыми убедительными фактами и документами... Нет, Шекспир существовал именно как гениальный поэт: об этом свидетельствуют *современники, враги, личные друзья и восторженные почитатели*. Мы в дальнейшем услышим некоторые из этих свидетельств: *здесь* сомнений быть не может!.. Но *далее* — полное раздолье догадкам и отрицаниям. Шекспир жил и написал более трех десятков пьес — это *история*, все остальное — более или менее остроумная и правдоподобная сеть предположений и домыслов, *литературная и психологическая комбинация*.

Мы намерены представить читателям жизнь и личность Шекспира на основании возможно достоверных и тщательных данных по этим вопросам. Мы соберем все сколько-нибудь ценные исторические сведения и, слив их с творчеством

поэта, может быть, достигнем известной полноты и цельности в изображении художника и человека. Наши рамки для такой картины слишком узки, но сама тема заставит нас делать только значительные и характерные штрихи и неизбежно приведет, по крайней мере, к *основным, мотивам* чудного музыкального мира, заключенного в душе нашего поэта.

ГЛАВА I

*Родина Шекспира. — Детство и юность. —
Женитьба. — Переселение в Лондон .*

В приходском списке протестантской церкви в Стратфорде находится следующая отметка: «1564; April 26: Gulielmus filius Iohannes (вместо Iohannis) Shakespeare», — подразумевается, *крещен*.

Когда родился Уильям — неизвестно: детей в старой Англии крестили и на третий, и на какой угодно другой день. Отец поэта, насколько можно судить по сохранившимся документам, представлял личность далеко не заурядную. Сын йомена, то есть независимого, сравнительно состоятельного землепашца и землевладельца, Джон с отцовской фермы переселился в соседний город. В сущности, Стратфорд можно было назвать городом только сравнительно с окрестными мелкими сельскими

поселками. Несколько сот жителей, деревянные дома, отчасти крытые соломой, крайне грязные улицы, обширные сады почти у каждого дома, деревенские занятия обывателей — все это делало из Стратфорда большую деревню, но с центральным рынком для округа. Джон, очевидно предприимчивый и энергичный, быстро соединил в своих руках все промыслы, какие только были доступны обывателю полугорода-полудеревни. Он выделывает кожи, вырабатывает перчатки, торгует шерстью, зерном, мясом и даже строевым лесом. Операции идут удачно, — Джон заключает брак с Мэри Арден, дочью весьма почтенной и состоятельной семьи, может быть даже из Арден, старинных дворян графства. Сообразно с материальным благосостоянием развивается и карьера Джона: он быстро проходит ступени городского самоуправления и на четвертый год по рождении Уильяма является мэром Стратфорда. Его имущество в эту эпоху оценивается в 500 фунтов, по современному счету — около 2500 (25 тысяч рублей), документы именуют его «джентльменом» и «мастером», что равносильно титулу «эсквайр». Семья благоденствует. Ее минует даже моровая язва, посетившая город несколько недель спустя после рождения сына и унесшая особенно много детей. Благоденствие продолжается много лет, по крайней мере до

четырнадцатилетнего возраста Уильяма, и детство поэта, следовательно, проходит при вполне благоприятных условиях.

Чем же оно наполнено? Для художественных натур ранние впечатления имеют решающее значение, часто пробуждают первые творческие стремления и надолго остаются богатым источником вдохновений. Юный Шекспир и здесь оказался в очень выгодном положении.

Стратфорд принадлежит графству Уорикшир — «сердцу Англии», родине замечательнейших исторических деятелей и сцене великих событий — от эпохи средних веков до дней Шекспира. Ближайшие к городу замки Кенилворт, Уорик и городок Ковентри могли рассказать множество любопытных местных преданий и эпизодов. Легендарный предок графов Уориков — Гюи — прославлялся в песнях как победитель датского великана. Слава рода не прекращалась и после. Он принимал деятельнейшее участие в междоусобной войне Роз, и знаменитейший из героев — *Делатель королей* — твердо остался в памяти всего окрестного населения. Вековые башни замка, отстоявшего от Стратфорда всего на восемь миль, были наглядными летописями самого бурного и кровавого периода английской истории и, может быть, они впервые внушили будущему поэту мысль

изобразить этот период в форме драматических хроник...

На пять миль дальше находился Кенилворт. Он принадлежал когда-то Симону Монфору, родоначальнику английского представительства, являлся центром баронской войны против короны в XIII веке, стоял, следовательно, во главе конституционной истории Англии. Потом замок перешел в государственную собственность, и наконец Елизавета подарила его своему любимцу, графу Лестеру, три раза была здесь в гостях, и последний раз в 1575 году... Пышные празднества, конечно, сопровождали приезды королевы, — видел ли их одиннадцатилетний Шекспир?... Оберон, царь эльфов, в комедии *Сон в летнюю ночь* рассказывает аллегорическую сцену о купидоне и прекрасной весталке, царящей на Западе... Может быть, рассказ — отголосок личных впечатлений поэта?

Наконец местечко Ковентри. Здесь Генрих Ричмонд, победитель Ричарда III, будущий Генрих VII, отдыхал после решительной битвы при Босворте, был торжественно принят ковентрийцами, осыпан дарами. Это происходило почти за восемьдесят лет до рождения Шекспира. В семье поэта продолжали жить тем более красноречивые предания о событии, что один из ее предков участвовал в битве на стороне Ричмонда, и

этот факт впоследствии приводился Джоном Шекспиром в доказательство его прав на дворянский герб. Шекспир несомненно слышал еще в детстве о славе своего рода и, конечно, — о жестокостях Ричарда и грозной междоусобице короля и Ричмонда, и, может быть, тогда же в его душу запала искра, обещавшая в будущем одну из блестящих исторических драм.

Но Ковентри любопытен не только историей. Он искони пользовался художественной славой: здесь ежегодно по праздникам игрались мистерии, цеховые мастера городка отличались особенной страстью к театральным представлениям и странствовали по окрестностям — показывать свое искусство... Мог ли молодой Шекспир не познакомиться с ним — и в самом Ковентри, и в Стратфорде? Тем более что отец его, несомненно, питал сочувствие к театру; по крайней мере, доподлинно известно, что в будущность его мэром в Стратфорде играла странствующая труппа актеров. Уильяму, правда, было в то время не более пяти лет, но ведь Диккенс свои впечатления начинает считать с двухлетнего возраста. А что же могло естественнее и прочнее запасть в память будущего драматурга, как не сценические зрелища?

Всеми этими данными не исчерпываются детские впечатления Уильяма. В Стратфорде было слишком мало городской культуры, правила

гигиены подвергались жесточайшим нарушениям, и в городе попеременно хозяйничали лихорадка и язва; но деревенский, первобытный характер местечка имел и свои, по крайней мере поэтические, прелести. Окрестности Стратфорда изобиловали всеми богатствами английского пейзажа. Фермы и поселки, тонувшие в зелени, цветущие равнины, прерываемые лесистыми холмами, и среди них светлые воды Эйвона, — сцена, будто нарочно созданная для идиллий и пасторалей.

У Шекспиров повсюду были знакомые и даже родственники, например дед поэта, до конца дней не оставлявший деревенского хозяйства. Уильям, конечно, беспрестанно совершал путешествия в это «царство природы» и с детских лет инстинктивно развивал в себе поэтическое чутье и восторженную любовь к ее красоте и мощи. Впоследствии он будет изумлять ботаников и зоологов количеством и основательностью своих сведений. Он с безукоризненной живостью изобразит жизнь и нравы пчел, характеры домашних животных, опишет более сотни полевых цветов и трав, назовет множество насекомых, всегда обнаруживая глубокую, чисто научную наблюдательность рядом с тончайшим эстетическим чувством. Ни один поэт не представит столько образов, сравнений, эпизодов из жизни природы... Откуда такая

осведомленность? Ее источник, несомненно, стратфордские поля и деревни. До какой степени успешно поэт воспользовался этой школой, показывает догадка специалистов, будто Шекспир мог быть ученым садовником... К сожалению, ученость — книжная и школьная — занимает вообще слишком мало места в жизни и в умственном развитии Шекспира, чтобы ее приурочивать к *поэзии природы* в драмах поэта. Даже об *истории людей* «годы ученичества» дали Уильяму довольно скудные сведения. Он, надо думать, выучился грамоте в начальной стратфордской школе. Отец поэта был безграмотен, в крайнем случае мог разве подписать свое имя, хотя, судя по документам, предпочитал вместо подписи ставить знак. И те же документы доказывают, что Джон Шекспир отнюдь не являлся исключением: из девятнадцати стратфордских правителей только семь могли кое-как изобразить свои имена. Что касается матери Уильяма, — о ее грамотности мы можем судить по дочерям джентльмена и знаменитого писателя Шекспира: только одна из них умела писать, другая «ставила кресты». Для будущего поэта, очевидно, оставалась лишь общественная школа.

Чему он здесь выучился и сколько лет пробыл — неизвестно, но он *мог* выучиться, помимо общей грамоты, латыни, заучить много фраз из

разговорного и эпистолярного языка (для этого были специальные учебники), мог прочесть несколько отрывков из *Метаморфоз* Овидия, из писем и речей Цицерона, из *Георгик* и *Энеиды* Вергилия, в крайнем случае, из комедий Теренция и Плавта и трагедий Сенеки. Вероятно, Шекспир и усвоил кое-что из этой учености, обычной в школах эпохи: впоследствии он с большой охотой приводит латинские цитаты, обнаруживает особенное внимание к Овидию и, может быть, отчасти из подлинного источника латинской комедии черпает материал для своих пьес.

Но вряд ли особенно тщательно и любовно занимался Уильям учебной мудростью: позже он беспощадно смеется над мелкими школьными педантами и их варварской латынью. Не для поэта были созданы образцы древней стилистики, и, кроме того, юношу скоро призвала другая — *практическая* — школа.

Дела отца пошатнулись приблизительно к началу восьмидесятых годов и быстро пошли к упадку. Может быть, излишняя разносторонность деятельности была причиной, но только в январе 1586 года бывший мэр является уже несостоятельным должником, не посещает ратуши и лишается звания городского советника, а еще позже — отказывается ходить даже в церковь из опасения ареста за долги. Все это документальные

сведения, но зато совершенно неизвестно положение сына при столь решительном семейном расстройстве. Следует думать, что Уильям помогал отцу в его многочисленных ремеслах, может быть и иначе пытался поддержать его дела: школьным учительством, занятиями у местного законоведа; впоследствии он обнаружит одинаково основательные сведения по всем этим профессиям. Но все это простые догадки. Достоверен и важен один факт: Уильям женится восемнадцати лет на Энн Хетеуэй, девушке на восемь лет старше его, обзаводится собственной семьей именно когда для отца настают особенно трудные годы... Что здесь не было *сыновнего* равнодушия и легкомыслия, доказывается позднейшим отношением Шекспира к положению отца: для полного восстановления дел и общественного значения старика... Причина другая: всего спустя шесть месяцев после церковного брака у Шекспира родилась дочь... По обычаю страны, брак считался не с венчания, а с обоюдного публичного согласия молодых людей на семейный союз, и, следовательно, имя Энн Хетеуэй не терпело никакого ущерба. Но ситуация, очевидно, для Шекспира сильно усложнялась. Любопытный вопрос, — был ли поэт счастлив в супружестве, — остается открытым, хотя и существуют некоторые косвенные данные для его

разрешения. Просперо в *Буре*, отдавая свою дочь принцу, говорит:

Возьми, — вот он, подарок дорогой,
Который ты так заслужил достойно.
Но если до того, пока обряд
Священником вполне не совершится,
Ты девственный развяжешь пояс ей,
То никогда с небес благословенье
На ваш союз с любовью не сойдет...
О нет! Раздор, презренье с едким взором
И ненависть бесплодная тогда
Насыпят к вам на брачную постель
Негодных трав, столь едких и колючих,
Что оба вы соскочите с нее...

В *Двенадцатой ночи* герцог проповедует Виоле:

Жена должна избрать себе постарше —
Тогда она прилепится к супругу
И будет царствовать в груди его...

и дальше советует избрать «подругу помоложе — иначе любовь не устоит»...

Не надо никаких насильственных сопоставлений и тонких домыслов, чтобы эти речи невольно напомнили личную историю поэта:

мотивы и в пьесах и в жизни *тождественны*, а результаты столь же одинаковы или различны — решить окончательно нет возможности. Во всяком случае, дальнейшие предания из биографии Шекспира говорят за совпадение поэзии и правды.

Мы можем не придавать никакого значения рассказам о кутежах молодого Уильяма, хотя он сам впоследствии весьма настойчиво подчеркивал вакхические наклонности своих соотечественников и мог приобрести эту настойчивость из личного опыта. Одно несомненно: Шекспир «повздорил с правосудием» в лице лендлорда, мирового судьи и строгого пуританина сэра Томаса Люси. Был ли, собственно, у Люси свой парк или он считал долгом охранять казенный лес, — вопрос второстепенный. Достоверно, что Уильям пришел в столкновение с сэром Томасом по всем пунктам: и как нарушитель законов об охоте, и как легкомысленный молодой человек, и даже как поэт. Браконьерство в старой Англии отнюдь не считалось смертным грехом ни в народе, ни в обществе. Популярнейший народный герой Робин Гуд — браконьер, оксфордские студенты слыли отчаяннейшими браконьерами во всей стране, и именно при Елизавете законы об охоте нарушались беспрестанно даже в королевских лесах. Это было своего рода молодечество, вполне одобряемое народными

преданиями и допускаемое национальными нравами.

Сэр Томас держался иных воззрений. Как началась и развивалась междоусобица между сыном йомена и джентльменом, мы не знаем; действительно ли Шекспир был неоднократно наказываем слугами судьи — арестом и даже ударами — и отомстил сатирой на супружеское счастье сэра Томаса, — всему этому можно верить и не верить, но, несомненно, междоусобица приняла довольно резкое направление. О ней поэт вспомнил, сочиняя *Виндзорских насмешниц*, и жестоко насмеялся над гербом сэра Томаса. Но, может быть, война была вызвана не браконьерством, а гонениями Люси на отца поэта: Люси состоял членом той протестантской комиссии, которая доносила на Джона Шекспира за нехождение в церковь. Как бы то ни было, у Уильяма было сколько угодно поводов поссориться с Люси — помещиком, судьей, ханжой, мужем не особенно любящей жены. Во всяком случае тот или другой мотив ссоры отнюдь не свидетельствовал о личном семейном мире и счастье поэта. В восемнадцать лет вообще трудно достигаются эти блага, а для будущего автора сонетов, *Фальстафа*, *Ромео и Джульетты* трудность вряд ли облегчалась полным равнодушием к жизненным

удовольствиям и рискованным искушениям молодости.

А между тем на третий год супружества Шекспир уже был отцом троих детей: в начале 1585 года у него родились близнецы — Гамнет и Джудит. В следующем году Джона Шекспира преследуют за долги. Очевидно, обе семьи начинают переживать трудные дни, вопрос о хлебе становится настоящим; разрешить его в Стратфорде, да еще при ссоре с важнейшим лицом всей округи, оказывалось невозможным, и Уильям переселяется в Лондон. Когда и с какими целями — мы точно не знаем. Не вполне достоверно, будто знаменитый актер Ричард Бербедж, земляк Шекспира, бывал в Стратфорде и мог внушить Уильяму известные планы. Но можно думать, что переселение совершилось не без влияния странствующих актеров, по крайней мере, косвенного. Актерская профессия при Елизавете очень хорошо оплачивалась, популярные актеры, вроде Бербеда, быстро наживались и приобретали дома и земли. Но те же актеры постоянно нуждались в новых пьесах, то есть в авторах. Может быть, Шекспир еще в Стратфорде начал прислушиваться к своему гению и даже сочинять. Это так естественно для такой богатой художественной природы! И, может быть, именно сэр Томас сыграл роль первого возбuditеля: в

сердце поэта заговорили страсть и гнев, и на свет явилась первая эпиграмма... Достоверно одно: Шекспиру в столице потребовалось удивительно мало времени, чтобы буквально прогреметь в литературном мире, вызвать одинаково решительные нападки и восторги. Очевидно, если поэт и явился в Лондон литературным новичком, то отнюдь не беспомощным, боязливым провинциалом, наугад и с тоской сердца ищущим кое-какой работы. Напротив, первое же вполне достоверное свидетельство современника называло нашего поэта «Иваном на все руки»... Красноречивое и много обещавшее определение!..

ГЛАВА II

Шекспировская Англия. — Театр и «чары Цирцеи». — Карьера Шекспира .

В каком году Шекспир явился в Лондон, неизвестно; но для нас достаточно и приблизительного срока: во второй половине восьмидесятых годов. Достаточно именно потому, что сама эпоха необычайной яркостью и значением своих общих явлений покрывает всякую мелкую хронологию. Вряд ли когда провинциальный поэт вступал в более пеструю, шумную и оригинальную среду. От

благороднейших вершин общества до последних слоев народа шло в высшей степени напряженное и широкое движение. Совершался тот подъем национального духа и национальных сил, какой отмечает важнейшие культурные периоды в истории страны. Жизнь общества и отдельных личностей становится крайне сложной, на внешнего наблюдателя производит впечатление смутной борьбы непримиримых сил, неопределенных стремлений, несбыточных идеалов. Свежие струи беспрестанно врываются в старые русла и властно требуют новых путей, не щадя ни старины, ни преданий. Великий подвиг — не потеряться в этом водовороте и сохранить за собой прочную и почетную дорогу, примирив запросы времени с личными нравственными силами.

Англия только что пережила страшную опасность — войну с Испанией. «Великая (Непобедимая) армада» Филиппа II грозила религии и национальной свободе Британии. Гроза прошла, и трудно представить, какой восторг охватил страну! Такой победы еще не знала история: одним ударом обеспечены протестантская церковь, мирное развитие народа, небывалый блеск английской короны. Над королевой Бесс явно бодрствовало счастье, ее имя становится обожаемым от столицы до последней деревни, она воплощает государственную мудрость, драгоценнейшие права

совести и исконную британскую патриотическую гордость. Королева это знает и старается жить в полном согласии с парламентом, в любви с народом, совершает многочисленные путешествия по своему королевству, и народ, переполненный признательностью и восторгом, прощает своей государыне и личные грехи, и не совсем чистые политические меры, не смеется над ее «девственностью» и приветствует ее расправу над шотландской королевой и другими ее «врагами». И здесь любовь — не политика, а невольное искреннее чувство. Народ в лице королевы любит себя, свою натуру, свои вкусы и свои недостатки. Ее величество, при всей высоте своего происхождения и сана, — англосаксонка до мозга костей. Ее любимец в литературе — Фальстаф, ее манера выражать благосклонность и гнев ничем не отличается от поведения принца Галя, ее удовольствия достойны вдохновения откровеннейшего поэта Возрождения. Она нисколько не потерялась бы в партере народного театра и с непосредственностью лондонского купца приветствовала бы монологи и сцены жесточайших трагедий вроде *Мальтийского жиды*, *Тамерлана*, *Тита Андроника*.

Это особенно дорого народу. Театр для него едва ли не самый мощный нерв общественной жизни, единственный орган его чувств и

настроений. Только в этой стране, развившей столь драматическую историю национальных вольностей, театр возник и вырос вместе с политическим сознанием народа. Театр — непосредственное детище самой нации, не искусственная, экзотическая забава избранных, как, например, театр Расинов и Корнелей, а клуб, площадь, парламент уличной толпы. Еще в средние века, когда на сцене разыгрывались события из библейской истории, английские авторы умели в уста Иосифа вложить жалобы на тяжесть налогов, а в лицах Каина, жены Ноя, и вифлеемских пастухов изобразить подлинные типы из современной английской действительности. Этот реализм и необычайно развитый национальный инстинкт с течением времени успеют подчинить себе творчество самых ученых и самых даровитых поэтов. Легко представить, как должна отразиться на любимых народных зрелищах золотая пора Елизаветы. Сцена — самый удобный предлог для торжества патриотических чувств, а современные события до такой степени внушительны и для всех важны, что во всем Лондоне не найдется ни одного человека, равнодушного к отечественной славе. Как теперь кстати возобновить ее в памяти, — всю, целиком, со всеми былыми испытаниями и победами, героями и жертвами! И возобновить так легко: в самой правдивой и подлинной истории

столько драматизма, блестящих, часто великих личностей. Иной раз достаточно переписать древнюю хронику, чтобы вышла настоящая драма, ни в чем не уступающая вымыслам поэтов... и театр, силою вещей, становится храмом патриотизма и сильных национальных чувств, историческая хроника начинает заполнять драматическую сцену.

Авторы отлично понимают смысл современного увлечения. У театра имеются непримиримые враги — пуритане и всякого рода святоши и блюстители чужой нравственности. Авторы смело выступают на защиту театра именно с историческими драмами в руках. Эти драмы, говорят они, научают истории и тех, кто не может читать летописей и исторических сочинений; они поддерживают у англичан сознание национального могущества и чувство преданности своим государям; они — правдивое изображение родного прошлого и могут оказать только самое благотворное влияние на душу и сердце зрителей...

В результате театры необычайно быстро размножаются и заполняют Лондон — частные и публичные. Шекспир уже застает не менее трех, и в течение каких-нибудь пятидесяти лет цифра возрастает до девятнадцати — явление совершенно беспрецедентное в Европе XV и XVI веков. И все они

— достояние городской демократии. Цена места начинается с пени и доходит до двух шиллингов, удобств для публики никаких, в летних театрах над партером нет крыши, на сцене очень скупные и жалкие декорации, драма знаменуется черной драпировкой, места действия — надписями на табличках, женские роли исполняются мужчинами, в антрактах иногда играет музыка. Автор рассчитывает на подвижное и благородное воображение зрителей и без помощи сценических приспособлений и костюмов переносит действие своей пьесы куда угодно и когда угодно. Публика ничего против этого не имеет, но зато требует полной свободы для своих впечатлений: она должна в театре чувствовать себя как дома и нисколько не смущаться знатных господ, которым отводятся места на самой сцене.

Естественно, театральные представления — настоящая злоба дня не только для лондонцев, но и для всех провинциалов, прибывающих в столицу. Имена и роли талантливейших артистов известны во всей стране, некоторые пьесы и спектакли долго волнуют население, например шекспировский *Генрих VI*, собравший до десяти тысяч зрителей в несколько недель. Это действительно национальная могучая страсть, предъявляющая большой запрос на сценические и литературные таланты.

Такое настроение застал Шекспир в большой публике, в народе. Наверху, в светском обществе, при не менее горячем увлечении театром, царствует еще особая специально-аристократическая мода, и будущему писателю неизбежно придется считаться с ней не меньше, чем с народным вкусом.

Королева Елизавета и здесь на первом месте.

Поклонница Фальстафа, она умеет также ценить тонкие создания Возрождения. Она знакома с античной литературой, не чужда итальянскому искусству и благосклонно принимает всевозможные стихотворные и прозаические аллегории, сонеты и поэмы, прославляющие ее мудрость и девственность.

Иначе и не может поступать государыня своих подданных. Кругом нее царят «чары Цицерона», как ядовито британские стародумы именуют итальяноманию. Данте, Петрарка, Боккаччо знакомы и светским франтам, и их дамам. Каждый желающий может приобрести недавно составленные грамматику и словарь нарочито для чтения этих трех авторов. Появляются переводы античных поэтов и историков одновременно с итальянскими новеллистами. В обществе большим шиком считаются цитаты на языке Цицерона и Петрарки, кавалеры взапуски пишут сонеты по образцу певца Лауры, при жизни Шекспира таких поэтов насчитывается до трех сотен; а чтобы

окончательно усвоить изящество и изысканность итальянского тона, издается основательное руководство для модного разговора и манер — *Эвфуэс, или Анатомия остроумия*. Веком позже это искусство — здравый смысл и правду приносит в жертву гримасам и пышной лжи — будет воспринято французскими жеманницами, а еще столетие спустя — русскими щеголихами. Англии принадлежит первенство.

В итальянских аристократических капризах много смешного и даже презренного: наш поэт отдаст всему этому законную справедливость, но он невольно должен войти в течение моды. Высший свет, заключая в своей среде немало сонетистов и обожателей итальянских «чар», покровительствует литературе, создает критиков и меценатов. Молодому писателю, прокладывающему себе дорогу, необходимо считаться с подобной публикой и, по крайней мере, на первое время, идти навстречу ее запросам и прихотям.

Теперь представьте положение плебея, без всяких материальных средств вступившего в столичный, необычайно шумный мир. Перед ним сколько угодно дорог и в то же время ни одной безусловно верной и прямой. Ему приходится идти ощупью, пытаться завоевывать счастье всюду, где только представляется случай. Выбирать и раздумывать нет ни времени, ни возможности.

Дома остались две семьи, возлагающие свои надежды на отважного искателя фортуны. И естественно, Шекспир на первых порах мог являться в самых разнообразных ролях, и, может быть, в каждом предании о той или другой его профессии есть доля правды. Может быть, он в самом деле служил некоторое время при типографии и уже потом пристроился к театру. Здесь перепробовал также немало занятий: мог содержать артель сторожей для лошадей господ, приезжавших в театр, мог служить помощником суфлера, сценариусом и на всякой другой второстепенной закулисной должности. Может быть, даже пытался извлечь пользу из ремесла перчаточника и скорняка, усвоенного дома. Но в результате всех опытов Шекспир неизбежно должен был попасть на свое настоящее поприще.

Предание большинство ранних профессий Шекспира связывает с театром. У актеров, мы знаем, всегда ощущалась нужда в новых или переделанных пьесах. Каждый из них позволял себе обращаться с текстом, даже во время спектаклей, по личному вдохновению, и, несомненно, часто волей-неволей самим актерам приходилось мастерить какую-нибудь жестокую драму или шутовской фарс для ближайшего представления. Речи о плагиате здесь и быть не могло. Пьесы едва считались литературой и авторы их — поэтами.

Публике они в громадном большинстве были известны лишь по спектаклям, будучи собственностью определенных трупп, в печати не появлялись и, следовательно, всегда могли служить материалом для новых упражнений на старые темы. Всякий актер бывал отчасти драматургом, в особенности комики — исполнители ролей шутов. Этим и объясняется необычайная пестрота текстов даже шекспировских трагедий: вероятно, среди подлинных монологов и сцен гениального поэта мы встречаем подчас и продукты актерской фантазии; в комедиях это несомненно.

При таких условиях вполне естественно помощнику суфлера, наверное, давно преисполненному литературных влечений, приняться за драматургию. Сначала это будет, конечно, только занятие кстати, ремесло, подвернувшееся под руки: переделки, компиляции, вставки собственных сцен в чужие пьесы, нередко совместная работа с другим литератором. Одновременно ничто не мешает энергичному юноше попробовать свои силы и на сценическом поприще. Наконец, отчего не попытаться сочинить сонет, поэму, вообще что-нибудь в стиле Петрарки: на этот товар большой спрос, можно сочинение посвятить одному из благородных меценатов, — и первый успех облегчит дальнейший путь. А между тем сил и стремления к работе — неисчерпаемый

запас, неизмеримо больший, чем у товарищей, у всех, стяжавших славу и благосостояние теми или другими путями...

В итоге — с первого же пребывания в Лондоне у Шекспира начинается кипучая, необычайно отважная и разносторонняя деятельность. Подробностей мы не знаем, но результаты, безусловно, оправдывают наши соображения.

ГЛАВА III

Первые известия о Шекспире и его деятельности. — Вопрос о школьном образовании Шекспира .

Первое достоверное известие о Шекспире — предсмертная исповедь одного из талантливейших драматургов эпохи Елизаветы, Грина. После легкомысленной и бурно проведенной жизни Грин пришел к глубокому раскаянию и желал обратиться на путь истинный своих бывших товарищей — драматургов. Речь умирающего звучит необычайно резко, направлена преимущественно против актеров, причем автор не скрывает своего негодования на их короткую память. Он, Грин, оказавший им столько благодеяний, «сразу забыт». И ради кого же? Ради «выскочки-вороны,

разукрашенной нашими перьями, с сердцем тигра, прикрытым снаружи кожей актера». Эта «ворона» воображает, будто может писать белыми стихами не хуже кого угодно, — настоящий *Iohannes factotum*¹; он считает себя *единственным потрясателем* сцены (shake-scene) во всей Англии... Далее следовало заявление, что никто из товарищей автора не станет ростовщиком (usurer) и стыдно им зависеть от прихотей «таких грубых лакеев».

Исповедь написана осенью 1592 года; выражение насчет сердца тигра представляет пародию на слова герцога Йоркского к королеве Маргарите в третьей части *Генриха VI*: «Сердце тигра, прикрытое снаружи женской плотью»; игра слов shake-scene совершенно прозрачна. Отзыв выходил необычайно резким памфлетом, и издатель, а также драматург Генри Четл несколько недель спустя счел нужным выпустить объяснение, чтобы оградить себя самого от всяких подозрений в сочувствии Грину. В объяснении не названо имя Шекспира, но из двух писателей, оскорбленных Грином, один Марло, другой Шекспир, и об одном из них Четл говорит как об *актере*, как о *поэте* и

¹ factotum (*лат.*) — совершенно доверенное лицо; слуга по дому

как о человеке. Марло не был актером, — следовательно, отзыв по необходимости надо отнести к Шекспиру. Четл удостоверяет *прямоту его поступков, честность и забавную грацию* его произведений (*facetious grace*); вообще он «не менее деликатен в своих личных отношениях, чем превосходителен в своей профессии».

Каждое слово в этих свидетельствах драгоценно. Они — единственная характеристика личности и ранней литературной деятельности Шекспира. Самые строгие выводы могут быть следующие.

Шекспир чрезвычайно быстро завоевал себе положение в мире актеров и драматургов, не отступал перед компиляциями и заимствованиями, приобрел большой авторитет в актерской среде и любовь публики настолько, что успел почти вытеснить со сцены своих соперников. Последнее обстоятельство — очевидный мотив раздражения Грина. Потом тот же Шекспир, по-видимому, приобрел право заправлять репертуаром: Грин ясно говорит о подчинении драматургов его прихотям. Наконец, несколько подозрителен намек на ростовщичество. Имеет ли он какое-то отношение к «потрясателю сцены»? Если принять во внимание распорядительскую власть Шекспира по театру и позднейшие *подлинные* известия о его денежных операциях, тщательных взысканиях даже

незначительных долгов размерами до одного фунта, то, пожалуй, и выходку Грина насчет ростовщичества можно отнести к нашему поэту. Мы можем принимать ее не в буквальном смысле, но заключение о материальной состоятельности и финансовых способностях Шекспира будет вполне правдоподобным.

Отзыв Четла совершенно ясен, и любопытнейшая черта в нем — характеристика джентльменства, корректности и безупречности личных поступков Шекспира. Этот факт следует считать исключительным как в среде поэтов, так и в среде актеров эпохи Елизаветы. Биография Марло и Грина менее всего свидетельствует о джентльменстве и изяществе личного поведения даровитейших писателей английского Возрождения, а закулисный мир заклеил сам Грин. Что касается материального вопроса, то тот же Грин изобразил полнейшую беззаботность поэтов-гуляк, в течение всей жизни менявших свой труд и талант на рейнское вино и маринованные селедки. Шекспир, конечно, не принадлежал к пуританской секте, и предание рассказывает о его обычных посещениях лондонской таверны «Сирена», представлявшей клуб современных знаменитостей. Сохранилось известие даже о ратоборстве Шекспира с многоученым поэтом Беном Джонсоном, причем «Вилль» отличался

быстротой ума и силой воображения и одерживал верх над тяжеловесным педантизмом своего соперника. Во всяком случае трактирные сцены в хронике *Генрих VI*, по остроумию и веселости единственные во всей комической литературе, без особенных натяжек подсказывают мысль о личных опытах автора.

Не держался Шекспир пуританской морали, вероятно, и в сердечных делах и, быть может, одерживал верх над своими товарищами, даже над Ричардом Бербеджем, будучи во всеоружии «забавной грации» и неистощимой находчивости своих комических героев. Возможно, что в анекдоте о победе «Вильгельма Завоевателя» над Ричардом есть доля правды. Но как бы то ни было, никакие увлечения молодости и искушения актерской и литературной среды не мешали Шекспиру серьезно и неуклонно идти к раз намеченной цели — личной независимости и достойному общественному положению.

Следующие достоверные сведения о Шекспире — посвящения, сначала к изданию *Венеры и Адониса* в 1593 году, а потом к изданию *Лукреции*, годом позже. Обе поэмы посвящены графу Саутгемптону, молодому аристократу, любителю литературы в итальянском стиле, и оба посвящения отличаются достоинством и сдержанностью тона. Подписи «совершенно

преданный вашей чести» и «совершенно преданный вашему лордству» — единственные примеры в своем роде: обыкновенно старые поэты говорили другим языком с высокопоставленными меценатами, и едва ли какое другое свидетельство нагляднее, чем эти строки, доказало бы нам «джентльменство» и «прямоту» личного поведения Шекспира. Для нас любопытно заявление второго посвящения — о неоплатном долге признательности со стороны поэта графу. Несомненно, Саутгемптон ответил на первое же посвящение денежным подарком: это было общим правилом. В таких случаях дары обыкновенно достигали суммы пять фунтов; граф, очевидно, сделал исключение. Предание, будто он подарил поэту тысячу фунтов, невероятно. Но уже весной 1597 года Шекспир приобретает в Стратфорде дом за 60 фунтов — сумма весьма значительная для того времени, — и дальше следует одна покупка за другой, вплоть до 1610 года, когда поэт уже является крупнейшим земельным собственником родного города и держит на откуп десятинные сборы Стратфорда. Одни эти сборы дают ему ежегодного дохода около двух тысяч рублей на наши деньги. Что же положило основу такому богатству?

Достоверно, что Шекспир принадлежал к труппе лорда-камергера. Одним из главных

представителей труппы был знаменитый Бербедж. Труппа владела двумя театрами — летним, *Blackfriars*, и зимним, *Глобус*. Мнение, будто Шекспир был одним из владельцев, не подтверждается новейшими исследованиями. Что касается актерской деятельности, она прошла для современников довольно глухо: Шекспир играл Тень в *Гамлете*, исполнял роли королей, то есть роли не первостепенные и не особенно ответственные. Несомненно, исключительный успех пьес Шекспира давал ему больший ход, чем другим драматургам, но вряд ли один авторский гонорар мог поднять благосостояние поэта так быстро и на такую высоту. Остается помириться с общим заключением о выдающихся практических способностях Шекспира и о его редкостном умении «бороться за существование».

С началом покупок в Стратфорде совпадает дарование Джону Шекспиру герба с геральдическим знаком *копья* и девизом *Non sanz droict!*² Отныне актер и йомен — джентльмены по праву, и, несомненно, выхлопотать герб стоило немалых усилий и затрат. Но поэт только еще раз доказал изумительное искусство занимать место «победителя» в жизненной борьбе, привилегиям

² «Не без прав!» (лат.).